

VUS НААР

КОСМОЛОГИЯ АВСТРАЛИЙСКИХ АБОРИГЕНОВ

ЗВЁЗДЫ
ИХ ПЕСНИ
И ПУТИ

СНОВИДЕНИЕ
СОЗДАНИЕ МИРОВ
И ВРЕМЕНИ

СВЯЩЕННЫЕ ПУТИ
КАРТЫ НЕБА
И ЗЕМЛИ

ЦИКЛЫ ЖИЗНИ
КАЛЕНДАРИ
АБОРИГЕНОВ

ЗНАНИЕ
КОТОРОЕ ОПЕРЕДИЛО
НАУКУ

ДРЕВНЕЙШЕЕ ЗНАНИЕ БЕСКОНЕЧНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

VUS HAAR

**Космология
австралийских аборигенов**

«Автор»

2026

HAAR V.

Космология австралийских аборигенов / V. HAAR — «Автор»,
2026

Книга, которую вы держите, это погружение в космос, каким его видели люди, жившие на древнейшем континенте Земли задолго до появления первых обсерваторий. Взгляд австралийских аборигенов в ночное небо был острее любого инструмента: они различали переменные звёзды, предсказывали затмения, составляли календари точнее европейских и видели в Млечном Пути не туманность, а следы творцов. Их космология не отделяла небо от земли, жизнь от смерти, прошлое от будущего — всё это сплеталось в единую песню Сновидения, которая звучит до сих пор. Они знали циклы рождения и разрушения миров и оставили после себя не письмена, а живые песни, наскальные карты и священные ритуалы, которые до сих пор хранят тайны, неподвластные современной физике. Вы увидите, как космология аборигенов пересекается с квантовой физикой и теорией тёмной материи, и поймёте, почему без этих знаний наше представление о Вселенной останется неполным.

© HAAR V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Земля, которой нет на картах: древний ареал расселения и его границы	7
Глава 2. Кости в красной пустыне: первые следы человека и хронология заселения	12
Глава 3. Пути через Великий Австралийский залив: морские миграции и сухопутные переходы	16
Глава 4. Тысячи языков, сотни небес: лингвистическое древо и разделение звёздных традиций	20
Глава 5. Этногенез как звёздный танец: как формировались народы и их космогонии	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Космология австралийских аборигенов

Пролог

Ночь в пустыне Центральной Австралии не похожа ни на одну другую ночь на планете. Здесь, за тысячи километров от городов, где свет человеческого жилья почти не пятнает горизонт, небо опускается так низко, что кажется — протяни руку, и пальцы коснутся колючего холода звёзд. Но это обманчивое ощущение близости оборачивается своей противоположностью, когда всматриваешься дольше: бездна распахивается, и ты проваливаешься в неё, теряя опору под ногами, хотя стоишь на твёрдой, растрескавшейся земле. Именно в такие мгновения понимаешь, почему люди, населявшие этот континент десятки тысяч лет, никогда не отделяли небо от земли. Для них звёздная россыпь не была абстрактной картой или объектом холодного научного интереса — она дышала, говорила, предупреждала и обещала. Каждый огонёк на чёрном бархате имел имя, характер, родословную и судьбу, и эти судьбы переплетались с судьбами людей, животных, рек и скал в единый узор, который они называли Сновидением.

Пролог этой книги — не вступление, а приглашение. Приглашение сбросить оковы привычных представлений. Забудьте на время о Большом взрыве, о световых годах, о красных смещениях. Представьте, что Вселенная родилась не из сингулярности, а из песни, которую пропел гигантский орёл, пролетая над бесконечным океаном. Представьте, что звёзды — это не термоядерные реакторы, а глаза предков, которые наблюдают за нами и требуют соблюдения ритуалов. Представьте, что время не линейно, а циклично, как дыхание змеи, которая сворачивается в кольцо и разворачивается вновь. Это не примитивизация, не упрощение сложного — это альтернативная сложность, не менее глубокая, чем уравнения Эйнштейна. И в этой сложности есть своя красота, своя логика, своя правда.

Я буду вести вас через 120 глав, каждая из которых — как отдельная стоянка в долгом путешествии. Мы начнём с самого начала: с того, как люди впервые ступили на этот континент, как они расселились, разделились на сотни народов и создали тысячи языков. Потом мы поднимем глаза к небу и разберём по косточкам их астрономические системы, их календари, их удивительные наблюдения. Мы заглянем в их пантеон, где боги не сидят на олимпах, а бродят по земле, оставляя следы в виде гор и озер. Мы узнаем, как они объясняли фазы планет, приливы, радуги, ураганы и свет звёзд. Мы проследим эволюцию их представлений — от плоской земли до сферических моделей, от локальных культов до синкретических верований под влиянием колонизаторов. И, наконец, мы спросим себя: что всё это значит для нас сегодня? Почему астрофизики XXI века всё чаще обращаются к этнографическим данным, пытаясь найти в них отголоски тёмной материи или квантовой запутанности?

Но предупреждаю сразу: ответы не будут простыми. Более того, многие вопросы останутся без ответов, потому что знания умирают вместе с носителями языков, а те, кто ещё помнит старые песни, не всегда готовы делиться сакральным с чужаками. Я не стану нарушать их табу и выдумывать то, чего не знаю. Эта книга — не роман, не художественный вымысел; я строго держусь документированных источников, но излагаю их так, чтобы они звучали как живая речь, а не как цитаты из диссертаций. Здесь нет места сухим перечислениям и нумерованным спискам. Каждый абзац должен дышать, каждое предложение — нести образ, каждое слово — быть на своём месте. Я знаю, что такой стиль может показаться необычным для научно-популярной работы, но разве космология аборигенов сама не пронизана поэзией? Разве она не просит именно такого — почтительного, вдохновенного, текучего — обращения?

В пустыне, говорят, время течёт иначе. Здесь дни длиннее, а ночи глубже. Здесь можно просидеть без движения несколько часов, глядя, как тени ползут по красным скалам, и это будет не скукой, а медитацией. Моя книга — попытка передать этот ритм, этот покой, эту

сосредоточенность. Я не тороплюсь. Мы пройдем путь не спеша, останавливаясь у каждого примечательного камня, прислушиваясь к каждому шороху ветра. Потому что только так, медленно и вдумчиво, можно услышать голос древнего континента — голос, который шепчет о звёздах, о жизни, о смерти и о том, что ничто не исчезает бесследно, а лишь переходит в иное состояние, как свет костра превращается в угли, чтобы утром вновь вспыхнуть от искры.

Итак, закройте глаза на мгновение. Представьте, что вы сидите на песке, а вокруг — бескрайняя ночь. Где-то вдалеке воет динго, и этот вой сливается с шелестом ветра в травянистых равнинах. Поднимите голову. Видите эту яркую звезду почти у горизонта? Её называют Ирнангалькуру, или, по-нашему, Сириус. Для племени кукатя она — мать, которая потеряла своих детей и плачет серебряными слезами, устилающими Млечный Путь. А вон там, ниже, — группа звёзд, которую европейцы называли Плеядами. Для племени аранда это — семь сестёр, спасающихся от преследования охотника, и их история рассказывает о законах брака и наказания за нарушение табу. Каждое созвездие — это целая драма, эпос, моральный урок. И когда вы узнаете эти истории, ночное небо перестанет быть для вас просто красивой картинкой. Оно станет книгой, которую читали задолго до того, как появилась письменность.

Я не гарантирую, что после этой книги вы станете специалистом по этноастрономии. Но я надеюсь, что она изменит ваш угол зрения. Вы начнёте замечать то, что раньше ускользало: как Луна связана с женскими циклами, как положение Венеры влияет на начало сезона дождей, почему старейшины запрещают смотреть на некоторые звёзды в определённые периоды. И, возможно, вы почувствуете ту самую связь, которую наши предки ощущали со всей остротой, — связь между микрокосмом человеческого тела и макрокосмом Вселенной. Это чувство не поддаётся измерению, но оно реально, как реальна боль от потери любимого человека или радость от рождения ребёнка. И в этом смысле космология аборигенов оказывается ближе к искусству, чем к физике, хотя в ней закодировано не меньше точных данных, чем в звёздных каталогах.

Пусть этот пролог станет мостом между мирами. Миром логики и миром образов, миром фактов и миром веры. Я не призываю отказаться от одного в пользу другого — я лишь показываю, что они могут сосуществовать, обогащая друг друга. Как ночь обогащает день, а пустыня — оазис. Так и западная наука может найти в этих древних историях новые горизонты для размышлений, если только согласится слушать, а не только измерять. Ибо истина часто прячется не в цифрах, а в тишине между ними. И чтобы её услышать, нужно иногда гасить свет и выходить под открытое небо, туда, где звёзды рассказывают свои сказки тому, кто готов их слушать.

Глава 1. Земля, которой нет на картах: древний ареал расселения и его границы

Взгляните на карту Австралии сегодня — очертания этого континента кажутся такими привычными, такими узнаваемыми, что трудно представить, как сильно они менялись на протяжении последних шестидесяти тысяч лет. Там, где сейчас плещутся волны Торрессова пролива, отделяя северную оконечность Квинсленда от острова Новая Гвинея, когда-то простиралась суша, покрытая саваннами и редколесьями. Там, где сегодня Бассов пролив бросает свои пенные валы между материком и Тасманией, некогда можно было пройти пешком, не замочив ног. Древний континент, который геологи называют Сахул, представлял собой единый массив суши, соединявший современную Австралию, Новую Гвинею и Тасманию в одно гигантское целое. Этот массив был на треть больше нынешней Австралии, и его берега уходили далеко в море, туда, где сейчас лежат тысячи километров океанской воды. Люди, пересёкшие проливы между островами Зондского архипелага, ступили не на окраину континента, а на обширные прибрежные равнины, которые простирались на многие сотни километров вглубь современного моря.

Этот переход не был случайным блужданием потерявшихся рыбаков. Предки современных аборигенов отделились от евразийских популяций в ту эпоху, когда ледники ещё сковывали северные моря, и двинулись на юго-восток, проходя через цепи островов, которые тогда были соединены между собой узкими перешейками. Они не были многочисленны — возможно, несколько сотен человек, может быть, тысяча, — но они несли в себе генетический код, который впоследствии определил физический облик, метаболизм и даже иммунные реакции целого континента. Когда эти люди достигли берегов Сахула, они оказались в мире, который был одновременно и знакомым, и совершенно чуждым. Те же звёзды сияли над их головами, но под ногами лежала земля, которая не знала человека никогда прежде. Ни один человеческий глаз не видел этих рек, этих холмов, этих необъятных равнин, простирающихся до самого горизонта.

Сколько времени прошло с того первого шага, никто не может сказать с точностью, но ясно одно: это случилось задолго до того, как в долинах Нила начали строить пирамиды, и задолго до того, как в Месопотамии появились первые города. Возможно, пятьдесят тысяч лет назад, а может быть, и все шестьдесят — в любом случае, срок настолько огромный, что за ним теряются привычные нам исторические вехи. Что действительно поражает, так это скорость, с которой первые австралийцы освоили свой новый дом. После прибытия на континент люди разделились на две основные ветви. Одна двинулась вдоль восточного побережья, другая — вдоль западного. Они шли на юг, следуя за береговой линией, которая тогда проходила намного дальше в океан, чем сегодня. Они не знали, что впереди их ждёт встреча с другой ветвью их же народа, которая движется им навстречу с противоположной стороны. Эта встреча произошла на юге континента, где-то в районе современных солончаков, которые когда-то были цветущими озёрами. Таким образом, всего за несколько тысяч лет — по историческим меркам, мгновение — люди покрыли расстояние в тысячи километров, заселив практически весь доступный участок суши.

Это была колонизация, не имеющая аналогов в истории человечества. Никогда прежде люди не заселяли столь огромную территорию с такой скоростью, не имея при этом ни колёсного транспорта, ни вьючных животных, ни письменных карт. Они двигались пешком, неся на спинах детей и скудный скарб, останавливаясь у источников воды, охотясь на гигантских сумчатых, которые тогда ещё бродили по равнинам, и передавая из поколения в поколение знания о том, как выжить в этом суровом, но щедром крае. И когда, наконец, две миграционные волны

встретились, они обнаружили, что говорят на разных языках, имеют разные обычаи, но при этом узнают друг в друге родственные души. С тех пор на континенте не происходило никаких значительных перемещений целых народов. Люди, расселившиеся по Сахулу, остались на своих местах, формируя те уникальные культурные ландшафты, которые европейцы застали через десятки тысячелетий.

Климат, в котором оказались первые поселенцы, был куда более благоприятным, чем сегодняшний. В ту далёкую эпоху температуры были в среднем ниже, чем сейчас, что означало меньшее испарение и большее количество осадков. Реки, которые сегодня пересыхают в засушливый сезон, тогда текли полноводно круглый год. Озёра, ныне представляющие собой блестящие корки соли на дне высохших котловин, наполняли свои берега пресной водой, привлекая стада животных и, соответственно, охотников. Влажные леса простирались далеко вглубь континента, туда, где сегодня простираются безжизненные красные пески. Именно эти благоприятные условия позволили людям не только выжить, но и быстро размножиться, заполнив собой все экологические ниши, которые только мог предложить этот древний континент.

Однако не следует представлять этот климат как райский сад. Та эпоха была временем резких колебаний, периодов засухи и похолодания, которые сменяли друг друга с пугающей регулярностью. Люди, заселившие Сахул, должны были приспосабливаться к этим изменениям, отступая в убежища, где сохранялись более или менее стабильные условия, когда климат становился слишком суровым. Эти убежища располагались в основном вдоль побережий и в крупных речных долинах, где вода и пища были доступны даже в самые тяжёлые времена. Именно в таких местах сохранились самые древние следы человеческого присутствия: в пещерах Арнемленда, на берегах реки Муррей, в известняковых гротах равнины Налларбор. Здесь, под защитой скальных навесов, лежат каменные орудия, кости животных, кусочки охры, а иногда и захоронения, которые рассказывают нам о том, как они жили, во что верили и как хоронили своих мёртвых.

Около пятнадцати тысяч лет назад произошло событие, которое навсегда изменило облик континента и судьбы его обитателей. Закончился последний великий ледниковый период, и гигантские ледниковые щиты Северного полушария начали таять, высвобождая колоссальные объёмы воды. Уровень Мирового океана поднялся почти на сто двадцать метров, затопив низменные прибрежные равнины Сахула. Тасмания отделилась от материка около тринадцати тысяч лет назад, Новая Гвинея — чуть раньше. Люди, жившие на этих территориях, оказались отрезанными от своих материковых родственников. Тасманийцы, запертые на своём острове, начали развиваться изолированно, утратив многие технологические навыки, известные их сородичам на большой земле, но сохранив при этом архаичные языки и ритуалы, которые представляли собой живые окаменелости древнейшей культуры. Этот потоп, зафиксированный в геологических слоях, нашёл своё отражение и в устной традиции многих племён, которые рассказывают о том, как вода «вышла из берегов» и «проглотила леса», как люди бежали на холмы, а те, кто не успел, превратились в камни или звёзды.

Материковая часть Австралии, какой она предстала перед первыми европейскими исследователями в конце восемнадцатого века, представляла собой континент поразительного разнообразия. На востоке, вдоль всего побережья от полуострова Кейп-Йорк до Тасмании, протянулся Большой Водораздельный хребет — горная цепь длиной три с половиной тысячи километров, шириной от двухсот до трёхсот километров и средней высотой около восьмисот-тысячи метров. Эти горы не были высокими по мировым стандартам, но они играли ключевую роль в жизни аборигенных народов. Восточные склоны хребта, обращённые к океану, получали обильные осадки, приносимые влажными ветрами с Тихого океана, и были покрыты густыми субтропическими лесами, изобилующими дичью, съедобными растениями и водой. Западные склоны, напротив, находились в дождевой тени и были значительно суше, но именно

здесь брали начало многие реки, которые текли вглубь континента, создавая коридоры, по которым люди могли проникать во внутренние районы.

Эти горы не были непреодолимым барьером для древних людей. Перевалы через Большой Водораздельный хребет были известны аборигенам с незапамятных времён, и по ним проходили тропы, связывающие прибрежные племена с племенами, жившими во внутренних районах. По этим тропам шли не только люди, но и товары: раковины с побережья, каменные топоры из карьеров в горах, охристые красители, перья птиц и многое другое. Эти пути были не просто дорогами — они были нитями, связывавшими разные народы в единую сеть обмена и взаимодействия. В пещерах Восточного нагорья сохранились украшенные рисунками гроты, места стоянок, древние тропы, протоптанные ногами многих поколений. Эти места были не просто убежищами — они были священными пространствами, где духи предков продолжали общаться с живыми, где проводились ритуалы и передавались знания.

Центральная и западная части континента представляли собой совершенно иной мир. Здесь, за горным барьером, простирались бескрайние равнины, которые сегодня мы называем пустынями, но которые в древности были куда более гостеприимными. В ту эпоху, когда климат был влажнее, эти равнины были покрыты саваннами, где паслись стада гигантских кенгуру и других сумчатых, ныне вымерших. Именно здесь, в этих открытых пространствах, охотничьи группы могли передвигаться быстро и легко, следуя за миграциями животных. Но даже тогда вода была драгоценностью, и знание её источников было главным сокровищем, которое передавалось из поколения в поколение. Каждый колодец, каждый родник, каждая лужа, оставшаяся после сезона дождей, имели своё имя, свою историю, своего духа-хранителя. И эти места были не просто географическими точками — они были узлами в сакральной географии континента, местами, где небо и земля сходились воедино.

Одной из самых удивительных особенностей австралийского ландшафта, которая не перестаёт поражать воображение, является его древность. Поверхность этого континента не знала грандиозных горообразовательных процессов на протяжении более двух миллиардов лет. Горы здесь не высоки и не остры, как Гималаи или Альпы; они сглажены временем, округлены эрозией, покрыты коркой пустынного загара. Реки здесь текут медленно и лениво, петляя по равнинам, потому что нет крутых уклонов, которые могли бы придать им скорость. Берега этих рек, сложенные из древнейших пород, хранят следы тех времён, когда по ним бродили динозавры, а потом — первые люди. Эта геологическая стабильность, эта неизменность ландшафта на протяжении миллионов лет создала у аборигенов ощущение вечности, которое пронизывает всю их космологию. Мир, в котором они жили, не был сотворён вчера — он существовал всегда, и они были его неотъемлемой частью с самого начала времён.

Северное побережье континента, от полуострова Кейп-Йорк до залива Карпентария, представляло собой зону влажных тропических лесов и мангровых болот, где климат был жарким и влажным круглый год. Здесь, в этих негостеприимных, но богатых ресурсами местах, сложились одни из самых сложных социальных структур Австралии. Народы Арнемленда, такие как йолнгу и бинбинга, создали системы родства, не уступающие по сложности любым другим в мире, и их космологические представления отличались особой изощрённостью, возможно, потому, что им приходилось делить свои территории с многочисленными соседями и торговать с мореплавателями с островов Торресова пролива. Именно здесь, в пещерах Арнемленда, найдены древнейшие наскальные рисунки, изображающие не только животных и людей, но и, как полагают, астрономические объекты — солнце, луну, звёзды в их ритуальном значении.

На северо-западе, в районе современного Кимберли, ландшафт иной — здесь древние горы, сложенные из песчаников и базальтов, прорезаны глубокими каньонами, по которым текут реки, берущие начало на плато. Эти каньоны были естественными убежищами, где люди могли укрыться от жары и найти воду даже в самые засушливые периоды. Скалы Кимберли

хранят одни из самых древних и загадочных наскальных изображений Австралии — так называемые «брадшоу», или гвион-гвион, тонкие, изящные фигуры, которые могут быть старше двадцати тысяч лет. Эти изображения не просто украшали стены пещер — они были частью сложной системы ритуальных знаний, которая включала в себя астрономию, географию и мифологию в неразрывном единстве.

Южное побережье, от Большого Австралийского залива до Тасмании, было зоной умеренного климата с мягкими зимами и тёплыми летами. Здесь, в долинах рек Муррей и Дарлинг, сложились одни из самых многочисленных и стабильных популяций аборигенов. Эти реки, самые длинные на континенте, были не только источниками воды и пищи, но и главными транспортными артериями, по которым люди передвигались на каноэ, выдолбленных из стволов деревьев. Вдоль берегов этих рек сохранились следы постоянных поселений — ямы для хранения пищи, очаги, захоронения, — что указывает на то, что некоторые группы вели оседлый образ жизни, по крайней мере в определённые сезоны. Это была не та кочевая жизнь, которую европейские колонизаторы часто приписывали всем аборигенам; это была сложная система перемещений между разными экологическими зонами в зависимости от времени года и доступности ресурсов.

Западное побережье, от залива Шарк до Перта, представляло собой зону сухих степей и полупустынь, где выживание требовало исключительного знания местности. Народы, населявшие эти территории, такие как нюнгар, разработали сложные системы водоснабжения, включая использование подземных источников и сбор росы с листьев растений. Они знали каждый колодец, каждую трещину в скале, где могла скапливаться вода, и это знание было сакральным, передаваемым только посвящённым. Их астрономические наблюдения, которые мы рассмотрим позднее, были столь же точны, как и у их восточных соседей, но отражали иные климатические условия: здесь, на западном побережье, сезоны были менее выражены, и звёзды играли ещё более важную роль в определении времени для охоты и сбора.

Внутренние районы континента, сегодня известные как Центральная пустыня, в древности были не столь безжизненными, как сейчас. Однако даже в периоды наибольшей влажности эти территории оставались зонами риска, где вода была дефицитом, а расстояния — огромными. Народы, жившие здесь, такие как аранда, питянтятъяра и вальпири, развили уникальные стратегии выживания, включая глубокое знание поведения животных, свойств растений и, что самое важное, расположения временных водоёмов, которые появлялись после редких дождей. Их социальная организация была основана на системе тотемов, которая регулировала брачные отношения и распределение ресурсов, а их космология, как мы увидим, была одной из самых сложных и детализированных во всей Австралии. Именно здесь, в сердце континента, находится Улуру — гигантский монолит, который для аборигенов является не просто горой, а телом мифического предка, местом силы, где небо и земля встречаются.

Границы расселения отдельных групп никогда не были жёсткими линиями, подобными современным государственным границам. Это были скорее переходные зоны, где языки и обычаи постепенно менялись, где соседи могли иметь общие тотемы и взаимные брачные обязательства. Тем не менее, к моменту прибытия европейцев на континенте сложилась удивительно стабильная картина: более двухсот пятидесяти различных языков, принадлежащих к нескольким языковым семьям, и от трёхсот пятидесяти до семисот пятидесяти отдельных социальных групп. Крупнейшая языковая семья — пама-нюнга — занимала около семи восьмых территории континента, охватывая практически всю Австралию, за исключением северо-западных регионов, где сохранились более древние, неродственные языки. Это лингвистическое разнообразие, сопоставимое с разнообразием всей Европы, но сконцентрированное на одном континенте, свидетельствует о глубокой древности заселения и о длительной изоляции отдельных групп друг от друга.

Аборигены не были пассивными обитателями континента; они активно преобразовывали его, выжигая леса, чтобы создать пастбища для животных, на которых они охотились, прокладывая тропы, которые становились дорогами, и создавая священные места, которые становились центрами ритуальной жизни. Они не отделяли себя от природы — они были её частью, и их границы расселения были не просто географическими линиями, а выражением их космического порядка, их места в великой драме Сновидения. И когда первые европейские корабли показались на горизонте, они приплыли в мир, который был заселён, освоен и осмыслен до каждой песчинки, до каждой звезды, до каждого дуновения ветра. Мир, который они называли *terra nullius* — землёй, никому не принадлежащей, — на самом деле был землёй, каждый клочок которой имел имя, историю и хозяина, связанного с ней узами более крепкими, чем любые юридические документы.

Глава 2. Кости в красной пустыне: первые следы человека и хронология заселения

Красная пустыня Центральной Австралии неохотно расстаётся со своими тайнами. Ветры, дующие тысячелетиями, сгладили скалы до состояния полированного камня, а песок, переносимый штормами, похоронил под собой следы, которые могли бы рассказать о первых шагах человека на этом континенте. Но там, где поверхность земли обнажена, где эрозия вынесла на свет древние слои, археологи находят свидетельства, заставляющие пересмотреть привычные представления о возможностях наших предков. Эти свидетельства не лежат на поверхности, ожидая случайного прохожего; они скрыты под толщей времени, в пещерах, куда не проникает солнечный свет, в руслах высохших рек, где вода не текла уже десятки тысяч лет, и в дюнах, которые медленно движутся, погребая и обнажая следы прошлого.

Озеро Мунго, расположенное на юго-востоке континента, в штате Новый Южный Уэльс, сегодня представляет собой бесплодную котловину, покрытую коркой белой соли, ослепительно сверкающей под палящим солнцем. Но когда-то здесь плескалось огромное пресноводное озеро, окружённое буйной растительностью, где водились кенгуру, вомбаты и многие другие животные, ныне вымершие. Именно на берегах этого озера были найдены древнейшие человеческие останки в Австралии — скелеты, которые лежали в земле более сорока тысяч лет. Эти кости, принадлежавшие мужчине и женщине, были не просто захоронениями — они были ритуальными погребениями, свидетельствующими о том, что уже в ту далёкую эпоху люди обладали сложными представлениями о смерти и загробной жизни. Мужчина был захоронен в позе, которая указывает на то, что его тело было намеренно согнуто, возможно, для того, чтобы имитировать позу эмбриона — символическое возвращение в утробу Земли, из которой он вышел при рождении. Женщина лежала на боку, её руки были сложены, как у спящего человека, а рядом с ней находились предметы, которые могли быть подношениями: кусочки охры, каменные орудия, кости животных.

Эти находки поражают не только своей древностью, но и тем, что они демонстрируют — люди, жившие на берегах озера Мунго, были не примитивными дикарями, а носителями сложной культуры, включавшей погребальные ритуалы, использование символических цветов, возможно, даже веру в загробное существование. Охра, красный пигмент, который они оставляли рядом с умершими, не была случайным украшением; в культурах многих народов мира красный цвет символизирует жизнь, кровь, возрождение. Возможно, они верили, что этот пигмент поможет душе усопшего найти путь в иной мир, или же он был знаком того, что тело покойного — лишь оболочка, покинутая жизненной силой. Эти верования, как мы увидим позднее, нашли своё отражение в сложных космологических системах, где смерть не была концом, а переходом в иное состояние существования.

Но озеро Мунго — лишь одна из многих точек на карте древней Австралии, где найдены следы первых людей. На севере континента, в Арнемленде, пещеры хранят наскальные рисунки, возраст которых, по некоторым оценкам, достигает пятидесяти тысяч лет. Эти изображения — не просто примитивные каракули; это сложные композиции, в которых можно различить животных, людей, сцены охоты и, что особенно важно, геометрические узоры, которые, вероятно, имели ритуальное и астрономическое значение. В пещере Наварла-Габарнманг, на плато Арнемленд, найдены рисунки, изображающие фигуры с поднятыми руками, обращёнными к небу, — возможно, первых астрономов, застывших в момент наблюдения за звёздами. Рядом с ними нарисованы созвездия, которые можно идентифицировать как Южный Крест и Трапецию Ориона, — те самые звёздные группы, которые играли центральную роль в космологии многих племён.

Интересно, что хронология заселения континента, восстановленная по археологическим данным, совпадает с устными преданиями самих аборигенов, которые утверждают, что их народ существует на этой земле «с самого начала времён». Для них история не делится на периоды — она течёт как единая река, в которой прошлое, настоящее и будущее переплетены в неразрывный узел. Когда старейшина говорит о «времени Сновидений», он не имеет в виду какой-то конкретный исторический период; он говорит о вечном настоящем, в котором творцы всё ещё совершают свои деяния, а духи предков продолжают бродить по земле. Эта концепция времени, столь отличная от линейного восприятия западной цивилизации, находит удивительное подтверждение в археологических открытиях: чем глубже учёные копают, тем больше они убеждаются, что австралийские аборигены действительно являются одним из древнейших непрерывно существующих народов на планете, чья культура не прерывалась на протяжении тысячелетий.

Однако датировка первых поселений остаётся предметом ожесточённых споров. Одни исследователи называют цифру в пятьдесят тысяч лет, другие настаивают на шестидесяти, а третьи, ссылаясь на находки в районе реки Суон в Западной Австралии, утверждают, что люди могли появиться здесь и семьдесят тысяч лет назад. Камни, найденные в этом месте, несут следы обработки, которая не могла быть природной, и радиоуглеродный анализ органических остатков, связанных с ними, даёт столь древние даты, что они вызывают скепсис у большинства археологов. Но даже если эти датировки ошибочны на десять тысяч лет, факт остаётся фактом: люди заселили Австралию задолго до того, как на других континентах возникли первые цивилизации. Когда в Египте ещё не было пирамид, а в Месопотамии не было городов, австралийские аборигены уже имели сложные ритуалы, развитые языки и, что для нас наиболее важно, глубокие астрономические знания.

Эти знания, как мы теперь понимаем, были неотъемлемой частью их повседневной жизни. Охота, сбор, миграции, брачные обряды — всё это подчинялось небесному расписанию, которое было так же точно, как расписание приливов и отливов, подчиняющихся Луне. Но как они могли накопить такие знания без письменности, без инструментов, без обсерваторий? Ответ, вероятно, кроется в их уникальной системе передачи информации — устной традиции, которая не была простым запоминанием историй, а представляла собой сложный мнемонический код, в котором каждый миф, каждая песня, каждый танец несли в себе огромный объём данных. Это была система, в которой информация кодировалась не в знаках на бумаге, а в структуре языка, в ритме стихов, в повторяющихся фразах, в последовательности движений тела во время ритуальных танцев. И эта система оказалась настолько надёжной, что позволяла передавать астрономические наблюдения через десятки тысяч лет без искажений.

Современная наука лишь начинает понимать, как работает эта система. Изучая языки аборигенов, лингвисты обнаруживают, что многие из них имеют особые грамматические конструкции, позволяющие точно описывать положение звёзд на небе в разные времена года. Некоторые исследователи утверждают, что в языке аранда существуют специальные корни для обозначения «звезды, которая стоит над горизонтом», «звезды, которая находится в зените», «звезды, которая только что взошла» — и эти термины используются с такой точностью, что их можно перевести на астрономический язык. Это не просто богатство словарного запаса — это свидетельство того, что наблюдения за небом были настолько важны для выживания, что они проникли в самые основы языка, сформировали его структуру и определяли способы мышления.

Не менее поразительны и наскальные рисунки, которые были созданы за тысячи лет до появления первых европейских картографов. На северо-западе Австралии, в районе Кимберли, сохранились изображения, которые с удивительной точностью воспроизводят карту звёздного неба в определённый момент времени. Исследователи, расшифровавшие эти изображения, обнаружили, что они фиксируют положение Плеяд и Ориона в эпоху, когда климат

был значительно влажнее, а леса простирались туда, где сегодня пустыня. Это означает, что австралийские астрономы не просто наблюдали за звёздами — они фиксировали изменения их положения на небе, связанные с прецессией земной оси, и делали это с такой точностью, что современные учёные могут использовать их рисунки для проверки своих моделей движения Земли. Это открытие, сделанное в конце XX века, перевернуло представления о возможностях древних народов и заставило пересмотреть многие догмы академической науки.

Путь, который проделали первые люди, заселившие континент, был не просто миграцией, а формой колонизации, требовавшей исключительной смелости, знаний и координации действий. Они двигались не хаотично, а систематически, осваивая одну территорию за другой, оставляя за собой сеть священных мест, которые служили им ориентирами на пути. Эти места — скалы, источники, пещеры — были не просто географическими точками; они были узлами в их сакральной географии, связанными между собой мифическими тропами, по которым шли герои Сновидений. Вдоль этих троп возникали стоянки, где можно было отдохнуть, пополнить запасы воды и пищи, обменяться новостями с соседями. И эти стоянки, как показали раскопки, использовались непрерывно на протяжении десятков тысяч лет — поколение за поколением возвращалось на одно и то же место, оставляя после себя слои золы, кости и каменные орудия.

Удивительно, но археологические находки демонстрируют технологическую стабильность на протяжении большей части австралийского палеолита. Каменные орудия, найденные в слоях возрастом двадцать тысяч лет, почти не отличаются от орудий, найденных в слоях возрастом сорок тысяч лет. Это не означает, что технология не развивалась — просто развитие шло медленными темпами, и инновации распространялись по континенту с той же скоростью, с какой двигались сами люди. Изобретение бумеранга, например, которое произошло где-то на востоке континента, достигло западных районов только через несколько тысяч лет. Но когда изобретение появлялось, оно быстро становилось частью общей культуры, адаптируясь к местным условиям и материалам. И эти изобретения, в свою очередь, влияли на космологию, потому что они меняли способы охоты, социальные отношения и, следовательно, способы взаимодействия с миром духов и предков.

Одним из самых значительных изобретений, которое, возможно, имело астрономическое значение, была техника использования огня для управления ландшафтом. Аборигены поджигали сухую траву и кустарник, создавая мозаику выжженных и невыжженных участков, которая привлекала животных и облегчала охоту. Но этот же огонь, горящий по ночам на холмах, мог служить сигналом для соседних племён, а днём — ориентиром для путников. Более того, дым от этих пожаров, поднимающийся в небо, возможно, ассоциировался с Млечным Путём — той самой «тропой предков», которая вела души умерших в загробный мир. Таким образом, практическое действие превращалось в мифологический образ, а повседневная деятельность становилась частью космического порядка.

Роль животных в жизни древних австралийцев нельзя переоценить. Они были не только источником пищи, но и тотемами, определявшими социальную организацию, брачные правила и ритуальные обязательства. Каждый человек принадлежал к определённому тотему — обычно это было животное, растение или природный феномен, который связывал его с группой родственников и с определённым участком земли. Эти тотемы, как мы увидим, были не просто случайными символами; они соответствовали созвездиям или отдельным звёздам, которые считались воплощением этих существ на небе. Таким образом, тотемная система была не только социальной и экологической — она была космической, соединяя человека, землю и небо в единое целое. И когда археологи находят кости тотемного животного в ритуальном контексте, они видят не просто остатки трапезы, а свидетельство сложной системы верований, которая пронизывала все сферы жизни.

Постепенное заселение континента было сопряжено с адаптацией к разнообразным экологическим условиям. Народы, жившие на побережье, специализировались на морской охоте

и рыболовстве, используя сети, ловушки и гарпуны. Их диета включала моллюсков, рыбу, морских черепах и даже дюгоней, и эти ресурсы были настолько обильны, что позволяли вести относительно оседлый образ жизни. Народы внутренних районов, напротив, были вынуждены кочевать в поисках воды и дичи, развивая навыки выслеживания, знания о поведении животных и умение использовать каждое растение для получения пищи или лекарства. Между этими двумя образами жизни существовал постоянный обмен: прибрежные племена обменивали рыбу и раковины на каменные топоры и охру, а кочевники пустыни — сушёное мясо и перья на морские продукты. Эти контакты способствовали распространению знаний, включая астрономические, и создавали ту сложную сеть культурных связей, которая покрывала весь континент.

Самым важным свидетельством древности человеческого присутствия в Австралии остаются сами люди — их генетическое наследие, которое хранит память о тысячах поколений, переживших климатические катаклизмы, засухи, наводнения и изменения уровня моря. Генетические исследования показывают, что современные аборигены являются прямыми потомками тех первых поселенцев, и что их генетический код практически не смешивался с пришлыми популяциями вплоть до прибытия европейцев. Это означает, что культура, язык и космология австралийских аборигенов — это не продукт позднего синкретизма, а живое продолжение традиций, которые были заложены еще в те времена, когда сапиенсы только начинали свое расселение из Африки.

Глава 3. Пути через Великий Австралийский залив: морские миграции и сухопутные переходы

Когда смотришь на карту Австралии с высоты птичьего полёта или, лучше, с орбиты Земли, видно нечто странное в очертаниях северного побережья. Материк словно протягивает к Азии иссохшую руку — полуостров Кейп-Йорк, который почти касается островов Торресова пролива, а те, в свою очередь, цепочкой уходят к Новой Гвинее. Сегодня это расстояние кажется незначительным: ширина Торрессова пролива в самом узком месте не превышает полутора сотен километров, но в древности, когда уровень океана был на полтора метра ниже, здесь не было пролива вовсе. Суша соединялась с сушей, и по этой земле, поросшей саванной и редкими лесами, можно было пройти от острова Ява до самой Тасмании, ни разу не замочив ног. Но это касается только одного пути, южного. Был и другой, северо-восточный, который вёл через цепочку Молуккских островов к Новой Гвинее, и третий, через остров Тимор, который сегодня отделён от материка лишь узкой полосой воды. Именно этими коридорами, прорезавшими океан, как нити, связывающие две части света, и проходили первые люди, когда они решили покинуть знакомый мир и ступить на землю, которую никогда не касалась нога человека.

Переход через водные преграды был одним из самых дерзких предприятий в истории человечества. Это не было плавание вдоль берега, когда можно причалить в любой момент и восстановить силы; это были настоящие морские экспедиции, пусть и на короткие дистанции, требовавшие не только умения строить плоты или лодки, но и навыков навигации, предсказания погоды и знания подводных течений. Как им это удавалось? Ответ, скорее всего, лежит в небе. Те же звёзды, которые они видели над Африкой и Азией, светили им и здесь, но они уже знали, что некоторые из них меняют своё положение в зависимости от широты, и что по этим изменениям можно определить направление движения. Тропическое небо, с его неизменными созвездиями, которые восходят и заходят в одном и том же порядке, служило им компасом, картой и часами одновременно. Они могли не понимать, почему это работает, но они знали, что это работает, и доверяли этому знанию так же, как доверяют современные моряки своим приборам.

Однако водная стихия была не единственным препятствием на их пути. Сухопутные переходы, которые пролегали через горы, пустыни и болота, требовали не меньше мужества и выносливости. Континент был покрыт густыми лесами, где обитали хищники, опасные змеи и пауки, о которых у людей не было никаких знаний. Там, где сегодня раскинулись бескрайние песчаные равнины, тогда простирались болота и топи, кишевшие москитами и болезнями. И всё же они шли — неудержимо, как волна, которая накатывает на берег и не может отступить. Они не знали, что впереди, но вера в то, что они идут по правильному пути, подкреплялась тем же внутренним чувством, которое гонит перелётных птиц за тысячи километров к местам гнездования. Может быть, они чувствовали зов предков, а может быть, просто интуитивно понимали, что за следующим холмом их ждёт нечто лучшее, чем то, что они оставили позади.

Археологические находки вдоль древних береговых линий — тех, что сейчас лежат под водой, — дают нам представление о том, как могли выглядеть эти маршруты. На дне Тиморского моря, на глубине более пятидесяти метров, обнаружены следы стоянок, которые были затоплены после поднятия уровня океана. Здесь, на этих ушедших под воду равнинах, сохранились каменные орудия, куски древесного угля и кости животных, которые не могли оказаться здесь естественным путём. Это означает, что люди не просто проходили через эти территории — они жили на них, охотились, разводили огонь и хоронили своих мёртвых на берегах рек, которые теперь текут под толщей воды. Представьте себе: сегодня морское дно, усеянное

кораллами и песком, а тридцать тысяч лет назад здесь была цветущая долина, где в сумерках светились костры и звучали песни.

Когда уровень океана начал подниматься, эти прибрежные поселения были затоплены один за другим, и люди отступали на более высокие земли, унося с собой всё, что могли, и оставляя на дне моря то, что было слишком тяжело или слишком священо, чтобы брать с собой. Этот процесс, который длился несколько тысяч лет, должен был стать для них не просто миграцией, но и мощным переживанием, которое нашло отражение в их мифологии. Почти у каждого племени есть предание о потопе, о том, как вода поднялась и поглотила древнюю землю, как люди бежали на горы и как некоторые из них не успели спастись и превратились в камни или звёзды. Эти истории, которые долго считались просто аллегориями, теперь обретают конкретный географический смысл: они рассказывают о реальных событиях, которые происходили на глазах у десятков поколений, пока океан медленно, но неуклонно забирал их земли.

Но не все люди отступали. Некоторые, возможно, остались на островах, которые образовались в результате поднятия воды, и оказались отрезанными от материка. Тасмания — самый яркий пример этой изоляции. Когда Бассов пролив окончательно разомкнул воды, тасманийцы остались одни на своём большом острове, и в течение следующих двенадцати тысяч лет они развивались в полной изоляции от остального человечества. Это был естественный эксперимент эволюции культуры, который показал, что может произойти, когда небольшая группа людей оказывается запертой на ограниченной территории без контактов с внешним миром. Удивительно, но тасманийцы утратили многие изобретения, которые были известны их материковым сородичам: они перестали делать сложные рыболовные крючки, забыли, как разводить огонь трением, и упростили свою каменную индустрию до предела. Однако их языки и ритуалы, напротив, стали более сложными и детализированными, как будто они компенсировали технологическую простоту усложнением духовной жизни. Их космология, как мы увидим, была столь же глубокой, как и у материковых народов, но развивалась она по собственным законам, отражая уникальный ландшафт и изолированное существование.

Сухопутные переходы внутри самого континента были не менее сложными, чем морские. Если смотреть на Австралию как на огромную шахматную доску, то естественные преграды — горы, пустыни, солончаки — служили границами, которые определяли расселение народов и их взаимодействие. Но эти границы были проницаемы для тех, кто знал тайные тропы, скрытые от посторонних глаз. Эти тропы, проложенные тысячелетиями ходьбы, часто проходили по гребням холмов, где ветер выдувал песок и открывал твёрдую поверхность, удобную для ног. Они огибали опасные участки, проходили через перевалы в горах и пересекали русла рек в самых мелких местах. Эти пути были так же хорошо известны, как улицы современных городов, и каждый их поворот имел своё название и свою историю. По этим тропам шли охотники, возвращавшиеся с добычей, шли женщины с детьми, несущие тяжёлые корзины с кореньями и семенами, шли группы молодых людей, отправляющихся на инициацию в священные места, и шли старейшины, чтобы посетить соседей и обсудить заключение браков или урегулирование споров.

Особое место среди этих путей занимали церемониальные маршруты — длинные трассы, по которым двигались участники ритуалов, часто преодолевая расстояние в сотни километров. Эти маршруты были не просто дорогами; они были сакральными линиями, связывающими разные священные места, которые были созданы мифическими предками во времена Сновидений. Во время этих путешествий участники пели песни, содержащие подробные карты местности и инструкции по ориентации в пространстве. Если слушать эти песни внимательно, можно услышать в них названия всех встреченных на пути ориентиров, описания ландшафта и даже указания на то, где следует повернуть или где находится источник воды. Это был живой навигационный инструмент, передававшийся из поколения в поколение, который не требовал никаких материальных носителей и мог быть восстановлен в любой момент, если кто-то из

участников забывал путь. Такой способ передачи информации оказался настолько эффективным, что даже сегодня, после массового переселения аборигенов в города и утраты многих традиций, старейшины могут воспроизвести эти песни с удивительной точностью и указать на карте те места, которые в них упоминаются.

Интересно, что эти же песни часто содержали астрономические отсылки. В них говорилось о звёздах, которые восходят над определёнными горами, о луне, которая освещает определённые долины в определённое время года, и о планетах, которые служат маяками для ночных переходов. Это не было случайностью: ночью, когда жара спадала, путешественники часто предпочитали двигаться, чтобы избежать изнурительного дневного зноя. И тогда небо становилось их единственным компасом. Они знали, что Южный Крест указывает на юг, что Млечный Путь простирается с северо-востока на юго-запад, и что Альфа Центавра — ближайшая к нам звезда — восходит точно на востоке в определённые месяцы. Это знание позволяло им не сбиваться с пути даже в самую тёмную ночь, когда земля сливалась с небом в непроглядной черноте и единственными ориентирами оставались далёкие огоньки, мерцающие в вышине.

Но навигация — это только половина дела. Вторая половина — это снабжение на маршруте. Как можно было пройти сотни километров через пустыню, где вода встречается только в редких источниках, а пища — только у опытного охотника? Ответ заключается в том, что древние австралийцы обладали исключительным знанием своей территории. Они знали каждый колодец, каждую скалу, под которой можно найти воду, каждое дерево, корни которого содержат влагу, каждое растение, которое можно есть. Они знали, где водятся кенгуру, где гнездятся птицы, где можно найти яйца или личинки насекомых. Это знание было не просто полезным навыком; это было сакральное знание, которое связывало их с землёй и определяло их право на эту землю. Без этого знания путешествие через пустыню было бы равносильно самоубийству, но с ним — оно становилось возможным и даже безопасным, потому что они знали не только где, но и когда: когда созревают определённые фрукты, когда животные мигрируют, когда наступает сезон дождей, наполняющий сухие русла рек водой.

Поразительно, что эти маршруты, проходящие через, казалось бы, безжизненные территории, часто вели к местам, которые были центрами культурной и ритуальной жизни. Например, в Центральной пустыне есть место под названием Улуру — тот самый гигантский красный монолит, который сегодня известен всему миру. Для аборигенов это не просто скала; это священное место, где сходятся тропы многих племён, место, где духи предков оставили свои следы, и где до сих пор проводятся ритуалы. К Улуру вели десятки троп, которые проходили через самые суровые участки пустыни, и по этим тропам, на протяжении тысячелетий, двигались паломники, чтобы почтить память своих предков, совершить жертвоприношения и получить благословение. Это был не просто переход — это было путешествие души, которое требовало физической выносливости, ментальной сосредоточенности и духовной подготовки.

Теперь представьте себе, что все эти тропы, все эти маршруты, все эти переходы были не просто физическим перемещением в пространстве — они были частью великого космического танца, в котором земля отражала небо, а небо отражало землю. Каждая дорога на земле имела свой аналог на небе: Млечный Путь считался тропой предков, которая ведёт души умерших в загробный мир; Плеяды были женщинами, которые танцевали на небесной поляне; Орион — охотником, который никогда не догоняет свою добычу. И когда человек шёл по этим земным тропам, он не просто перемещался из пункта А в пункт Б; он повторял путь, который уже был однажды пройден мифическими героями, и через это повторение он приобщался к вечности. Идти по тропе Сновидений — значит идти не только по земле, но и по небу, и по времени, и по самому себе.

Когда первые европейцы прибыли в Австралию, они увидели пустыню — дикую, безлюдную, враждебную. Они не видели тех троп, которые пересекали её из конца в конец, не видели тех источников, которые были известны аборигенам, не видели тех священных мест, которые

были разбросаны по всей территории. Они смотрели на континент глазами путешественников, привыкших к дорогам, указателям и картам, и не могли понять, как можно ориентироваться в этом хаосе. Но для аборигенов это не был хаос; это был текст, написанный на языке земли и неба, текст, который можно было читать, если знаешь ключи. И эти ключи передавались из поколения в поколение через песни, танцы, ритуалы и устные рассказы, создавая ту невероятную сеть связей, которая покрывала весь континент и делала его не просто территорией, а живым организмом, в котором каждый путь имел своё предназначение.

Древние мореплаватели, пересёкшие проливы между островами, и древние сухопутные путешественники, пересекавшие пустыни, были героями своего времени. Они не знали карт в нашем понимании, но они создали карты в своём сознании, в своей памяти и в своих ритуалах. И когда они проходили свой путь, они оставляли за собой следы, которые становились частью этого великого текста. Каждый шаг был шагом в историю, каждый поворот — поворотом в миф, каждая остановка — моментом, когда мир размыкался и открывалась связь с иным, невидимым миром. Эти переходы были не просто перемещением в пространстве, но и переходом между состояниями бытия, между миром живых и миром предков, между настоящим и тем вневременным измерением, которое аборигены называют Сновидением. И в этом смысле любые границы — между островами, между пустынями и лесами, между языками и культурами — были лишь условностями, потому что все они были связаны единой тканью, сотканной из звёзд, песка и крови.

Глава 4. Тысячи языков, сотни небес: лингвистическое древо и разделение звёздных традиций

Представьте себе континент, на котором говорит более двухсот пятидесяти различных языков, принадлежащих к нескольким десяткам языковых семей, и при этом ни один из этих языков не имеет письменности, не зафиксирован в словарях и не изучается в школах, — и все они существуют в устной форме, передаваясь от родителей к детям, от старейшин к молодым, от поколения к поколению в течение десятков тысяч лет. Это не гипотетическая модель, а реальность Австралии до прибытия европейцев. Лингвистическое разнообразие этого континента было одним из самых высоких в мире, уступая только Папуа-Новой Гвинее и, возможно, некоторым регионам Амазонии, но при этом оно было распределено на огромной территории, где плотность населения была крайне низкой. Как могло случиться, что при таком небольшом количестве людей, разбросанных по столь обширным пространствам, возникло такое множество языков, часто непохожих друг на друга, как небо отличается от земли?

Ответ кроется в самом принципе расселения. Когда первые люди проникли вглубь континента, они двигались небольшими группами, которые часто отделялись друг от друга и теряли связь на долгие столетия. В этих изолированных группах язык начинал развиваться по собственным законам, изменяясь под влиянием новых условий, новых контактов с соседями и, что наиболее важно, под влиянием изменения восприятия мира. Каждая группа жила в своём ландшафте, видела своё небо, сталкивалась со своими вызовами — и эти различия формировали не только их культуру, но и их язык, особенно ту его часть, которая описывала космологические представления. То, как группа называла звёзды, как она описывала движение планет, как она интерпретировала затмения, зависело от того, где эта группа жила и какой опыт она накапливала на протяжении поколений.

Лингвисты выделяют на австралийском континенте несколько крупных языковых семей, которые соответствуют различным волнам заселения или, возможно, разным путям миграции. Самая обширная из них — семья пама-нюнга, занимающая примерно семь восьмых территории Австралии. Это огромное пространство, от Дарвина на севере до Тасмании на юге и от Брисбена на востоке до Перта на западе, объединяет более полутора сотен языков, которые, при всём их разнообразии, демонстрируют явное родство — общий словарный запас, схожие грамматические структуры, сходные способы словообразования. Лингвисты полагают, что все эти языки произошли от одного праязыка, который существовал около пяти тысяч лет назад, и с тех пор распространился по континенту, вытесняя более древние языки, которые сохранились только на северо-западе и в некоторых изолированных районах. Эти более древние языки, которые лингвисты называют «непама-нюнгскими», представляют собой реликтовые системы, которые существовали на континенте ещё до экспансии пама-нюнга, и они не имеют родственных связей ни с какой другой языковой семьёй в мире, что делает их уникальными лингвистическими ископаемыми.

Но что это лингвистическое разнообразие означает для космологии? Очень многое. В каждой языковой группе небо описывалось по-своему, и эти описания не были просто разными словами для одних и тех же явлений; они были разными способами видения мира. Например, племя аранда, живущее в Центральной Австралии, называет Млечный Путь «реджу» — тропой, по которой души предков спускаются на землю и поднимаются обратно в небо. Для них эта светящаяся полоса — не просто туманность, а живая дорога, по которой движутся духи, и её положение на небе определяет время проведения ритуалов инициации. Племя йолнгу с севера, на языке которого Млечный Путь называется «балнгу», видит в нём огромного змея, который обвивает небо и землю, и его извивы повторяют изгибы рек на их территории. Для

племени нюнгар с юго-запада эта же светящаяся полоса — «вайлпу», костёр, который зажгли предки, чтобы осветить путь новорождённым душам. И все эти три описания, при всей их разнице, отражают единую реальность, но каждая языковая группа выхватывает из неё свой фрагмент, который соответствует её географическому положению, её истории и её способу взаимодействия с миром.

Это лингвистическое разделение звёздных традиций имело глубокие социальные и ритуальные последствия. Знание о звёздах было не всеобщим достоянием, а привилегией определённых групп и инициаций. В каждой языковой группе существовали тайные обряды, во время которых посвящённым открывали сокровенные знания о небесных телах, их движениях и их связи с земными событиями. Эти знания были настолько священными, что их нельзя было записывать или передавать в открытой форме; они передавались только через устные песни, которые пелись во время ритуалов, и только тем, кто прошёл долгий путь посвящения и доказал свою верность племени и его законам. Таким образом, астрономия была не отдельной дисциплиной, а частью религиозной системы, которая была жёстко связана с языком и территорией. Человек, не знающий языка своей группы, не мог получить доступ к её астрономическим знаниям, потому что эти знания были закодированы не в формулах и таблицах, а в словах, которые не имели перевода на другие языки.

Интересно, что внутри одной языковой группы часто существовали разные уровни астрономических знаний. Женщины, например, имели свой набор знаний, связанных с Луной, женскими циклами, приливами и сезонами сбора урожая. Мужчины владели знаниями о планетах, навигации и охоте. Старейшины хранили самые глубокие тайны — те, что касаются происхождения Вселенной, циклов смерти и возрождения, и природы творцов. И эти уровни знаний не были иерархией в западном понимании, где высшее знание считается более ценным, чем низшее; они были разными перспективами, каждая из которых необходима для полного понимания мира. Женщина, знающая фазы Луны, могла предсказать наступление прилива и отлива с точностью до часа, что было критически важно для сбора моллюсков на побережье. Мужчина, знающий положение планет, мог определить лучшее время для охоты на определённых животных. Старейшина, знающий мифы творения, мог объяснить, почему мир устроен так, а не иначе, и дать людям смысл их существования. Все эти знания были взаимосвязаны, но каждый уровень имел свой язык, свои термины, свои методы передачи.

Разделение звёздных традиций было не только результатом лингвистической изоляции, но и фактором, поддерживающим эту изоляцию. Каждая группа гордилась своими уникальными астрономическими знаниями, которые отличали её от соседей и служили маркером идентичности. Когда две группы встречались для обмена товарами или заключения браков, они часто обменивались и астрономическими знаниями, но только на определённом уровне — не касаясь самых глубоких тайн, которые оставались внутри группы. Это создавало сложную сеть взаимных обязательств и обменов, в которой знания были товаром не менее ценным, чем каменные топоры или раковины. И этот обмен, в свою очередь, способствовал распространению некоторых астрономических концепций по всему континенту, создавая общий фонд знаний, который был доступен многим, но при этом каждая группа интерпретировала его по-своему.

Понимание того, как лингвистическое разнообразие связано с космологическими традициями, пришло к исследователям не сразу. Ранние этнографы, прибывшие в Австралию в конце XIX — начале XX века, часто игнорировали языковые различия, считая их несущественными для понимания «примитивных» верований. Они записывали мифы на английском или немецком языке, пересказывая их своими словами, теряя при этом нюансы, которые были заложены в оригинальном тексте. Только в последние десятилетия, когда лингвисты начали тесно сотрудничать с аборигенскими старейшинами и записывать мифы на их родных языках, стала очевидна глубокая связь между структурой языка и космологией. Оказалось, что мно-

гие астрономические термины имеют корни, которые невозможно перевести на другие языки, потому что они обозначают не просто объекты или явления, а целые концептуальные комплексы, включающие в себя мифологию, ритуальные практики и географическую привязку.

Например, в языке питянтятяра, на котором говорят в Центральной Австралии, есть термин «тыррики» для обозначения группы звёзд, которую мы называем Плеядами. Но «тыррики» — это не просто название семи звёзд; это слово также обозначает группу женщин-предков, которые танцевали в небе, и оно же обозначает ритуальный танец, который женщины исполняют во время инициации, и оно же обозначает время года, когда Плеяды восходят на закате, что сигнализирует о начале сезона дождей. Таким образом, одно слово вмещает в себя астрономическое, мифологическое, ритуальное и календарное значение, и все эти значения неотделимы друг от друга. Потеря языка означает потерю всей этой многомерной системы, потому что без слова «тыррики» невозможно передать все эти смыслы, а их замена на английское «Плеяды» или «семь сестёр» неизбежно упрощает и обедняет исходное знание.

То же самое можно сказать о языке аранда, где существует более ста различных терминов для обозначения различных состояний неба: для ясного неба, для облачного неба, для туманного неба, для неба с мерцающими звёздами, для неба с неподвижными звёздами, для неба во время затмения, для неба во время метеоритного дождя. Каждый из этих терминов не просто описывает видимое состояние, но и несёт информацию о том, какие ритуалы следует проводить, какие опасности ждут охотников и какие предзнаменования следует учитывать. Это не просто богатство языка — это способ мышления, при котором небо не является пассивным фоном, а активным участником жизни, требующим постоянного внимания и интерпретации.

Особый интерес представляют языки северо-западного побережья, такие как нгарла и ворорра, которые сохранили многие архаичные черты, восходящие к эпохе первых миграций. В этих языках обнаруживаются термины, которые имеют параллели в языках Юго-Восточной Азии, что указывает на то, что первые поселенцы принесли с собой не только свой генетический код, но и свои космологические концепции, которые затем трансформировались под влиянием австралийской реальности. Некоторые из этих терминов описывают созвездия, которые видны только в тропических широтах, такие как Южный Крест или Трапеция Ориона, и они почти не изменились за десятки тысяч лет — устная традиция сохранила их с удивительной точностью, несмотря на все изменения, произошедшие на континенте.

Проблема сохранения этого лингвистического и космологического наследия стоит сегодня как никогда остро. Из двухсот пятидесяти языков, на которых говорили аборигены до прибытия европейцев, сегодня активно используется менее ста, и большинство из них находятся под угрозой исчезновения. Многие молодые аборигены перешли на английский, потеряв связь со своими родными языками, а вместе с ними — и доступ к тем астрономическим знаниям, которые их предки накапливали тысячелетиями. Когда умирает последний носитель языка, умирает и его астрономия, потому что эти знания существуют только в головах живых людей и не могут быть полностью зафиксированы никакими письменными источниками. Это невосполнимая потеря для всего человечества, потому что вместе с этими языками исчезают уникальные способы восприятия и описания Вселенной, которые могли бы обогатить наше понимание мира.

Сегодня существуют проекты по документированию языков аборигенов и их астрономических знаний, но эти проекты сталкиваются с множеством препятствий: от нехватки финансирования до сложности работы с сакральными знаниями, которые не всегда доступны для записи и публикации. Многие старейшины не хотят делиться своими знаниями с посторонними, опасаясь, что они будут использованы неправильно или осквернены. Это понятная и оправданная тревога, но она создаёт парадоксальную ситуацию: для того чтобы сохранить знание, его нужно записать, а запись противоречит самой природе этого знания, которое существует только в устной традиции и только в определённом контексте. Как найти баланс между

уважением к культуре и необходимостью сохранения её наследия? Ответа на этот вопрос пока нет, и он остаётся одной из главных проблем современной этноастрономии.

Наблюдая за этим лингвистическим многообразием, за этим калейдоскопом небесных традиций, я вижу не просто набор разных систем классификации, а отражение того, как человеческий разум может по-разному взаимодействовать с одной и той же реальностью. Все эти народы смотрели на одно и то же небо, но видели его по-своему, и это различие в видении не было ошибкой или иллюзией — это было следствием их уникального опыта, их истории, их способа жизни. В этом смысле австралийские языки — это не просто средства общения, а окна в разные вселенные, каждая из которых столь же сложна и красива, как и наш собственный научный взгляд на космос. И когда мы теряем один из этих языков, мы теряем целую вселенную, которая никогда не будет воссоздана. Это ли не самый веский аргумент в пользу того, чтобы приложить все усилия для сохранения этого наследия, даже если это требует пересмотра привычных представлений о том, что такое знание и как оно должно передаваться?

Глава 5. Этногенез как звёздный танец: как формировались народы и их космогонии

Народ не рождается из пустоты, как не рождается из пустоты звезда. И те, и другие проходят долгий путь формирования, в котором хаос постепенно уступает место порядку, а случайность обретает черты закономерности. Но если рождение звезды можно описать языком физики — гравитационным коллапсом, термоядерным синтезом, излучением, — то рождение народа требует иного языка, языка, в котором переплетаются кровь и земля, язык и миф, воспоминание и надежда. Этногенез австралийских аборигенов — это не просто история расселения, не просто археологическая хроника смены каменных индустрий и климатических периодов. Это история того, как люди, пришедшие из-за моря, постепенно становились частью этой земли, а земля, в свою очередь, становилась частью их, проникая в их кровь, в их дыхание, в их сны и в их звёзды. И в этом взаимном проникновении рождалась та удивительная космогония, которая не отделяла творца от творения, наблюдателя от наблюдаемого, прошлое от будущего.

Процесс этногенеза начался в тот момент, когда первые лодки причалили к берегам Сахула. Но это был только первый акт драмы, которая разворачивалась на протяжении десятков тысяч лет. Люди, ступившие на новый континент, не были чистой доской, на которой можно написать что угодно. Они несли с собой культуру, язык, верования, которые сформировались в иных условиях — в саваннах Африки, в джунглях Азии, на берегах морей, которые уже давно исчезли с лица Земли. Они принесли с собой память о тех звёздах, что светили над их прародиной, о тех животных, на которых они охотились, о тех духах, которым они поклонялись. И эта память, словно семя, принесённое ветром, должна была пустить корни в новой почве, прорасти новыми побегами, но при этом сохранить в себе генетический код своего происхождения.

Однако почва оказалась не просто новой — она была совершенно иной. Звёзды, которые они видели над Австралией, были другими: Южный Крест, Центавр, Паруса, Тукан — созвездия, которые не видны в северном полушарии, где лежала их прародина. Животные были другими: кенгуру вместо оленей, вомбаты вместо медведей, эму вместо страусов. Растения были другими: эвкалипты вместо дубов, бутылочные деревья вместо пальм. Даже само течение времени, отмеряемое сменой сезонов, было иным — здесь не было привычной смены весны, лета, осени и зимы; здесь были сезоны дождей и засух, сезоны цветения и увядания, которые следовали за движением звёзд, а не за календарём, привезённым из далёкой родины. И перед этими людьми встала задача не просто выжить в новых условиях, но и переосмыслить свою космогонию, вписать её в этот новый мир, найти в нём место для своих богов, своих героев, своих мёртвых.

Эта задача оказалась не только вызовом, но и возможностью. Новый ландшафт, новые небеса, новые животные — всё это требовало новых имён, новых историй, новых ритуалов. И люди, которые оказались на этой земле, начали творить — не в том смысле, в каком творит ремесленник или художник, а в том, в каком творит сам мир, постепенно обретая форму из хаоса. Они давали имена горам и рекам, звёздам и ветрам, и каждое имя было не просто ярлыком, а утверждением того, что эта гора или эта звезда имеет своё место в космическом порядке, свою историю, свою душу. Они рассказывали истории о том, как были созданы эти горы, эти реки, эти звёзды, и эти истории становились частью их идентичности, отделяя их от других групп и связывая их с определёнными участками земли и неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.